

В конференц-зале яблоку негде было упасть. За длинным столом собрались сценаристы, режиссёрская группа и исполнители главных ролей. Создатели картины сидели по одну сторону, актёры в гриме и костюмах — по другую.

Как только режиссёр Ся Чуньчжи вошёл в зал, ведя за собой Линь Тунси, присутствующие дружно поднялись с мест. Посыпались приветствия: коллеги спешили выразить почтение режиссёру, а затем вежливо здоровались с Тунси и Гао Ланом.

Облик Линь Тунси произвел настоящий фурор. Актёр выглядел настолько безупречно, что сценаристы в один голос зашептались: перед ними стоял живой наследный принц Хэюэ, будто сошедший со страниц исторического романа.

Ся Чуньчжи, не скрывая торжества, усадил Тунси и Гао Лана рядом с собой.

— Ну что я говорил! — прищурился режиссёр. — Образ идеальный. Именно таким я и представлял себе Хэюэ. Посмотрите, какая фактура! Вот увидите, когда мы выложим первые промо-кадры, сеть просто взорвётся.

Режиссёр повернулся к Гао Лану:

— Учитель Гао, скажите же? Вы застали его в коридоре. Я видел на записи — между вами мгновенно возникла химия, вы прямо с ходу вошли в образ!

Остальные присутствующие этой сцены не видели, однако в рабочем чате съёмочной группы уже всюду гулял короткий ролик, снятый кем-то из персонала. Сценаристы, уткнувшись в экраны телефонов, с трудом сдерживали восторженный писк. Видео производило неизгладимое впечатление. Когда они вновь подняли глаза на Линь Тунси, в их взглядах читалось неприкрытое обожание. Молодой актёр ювелирно воссоздал характер, который они так долго выписывали на бумаге.

Гао Лан мягко кивнул и улыбнулся:

— Режиссёр Ся совершенно прав. Признаться, я и сам обомлел, когда увидел господина Линя. Этот костюм ему невероятно идёт. Пожалуй, именно таким книжный Хэюэ и должен быть.

Слышать столь высокую оценку от самого Киноимператора было лестно, и Тунси слегка смутился.

— Что вы, Учитель Гао, зовите меня просто Тунси.

Гао Лан благосклонно наклонил голову. Ся Чуньчжи с удовольствием наблюдал за их беседой.

— Учитель Гао и сам в роли императора смотрится безупречно, — подхватил он. — Да и Маньмань в образе наложницы невероятно хороша. Глядя на вас троих, я уже предвкушаю, какими мощными получатся совместные сцены.

Ли Маньмань, услышав, что режиссёр упомянул её, скромно улыбнулась. Её наряд поражал роскошью — традиционное многослойное одеяние высокопоставленной наложницы эпохи Великой Инь.

По сюжету, после воцарения новой династии занятый государственными делами император Чэн ещё не успел провозгласить императрицу, тем более что его законная супруга скончалась от болезни ещё до переворота. Персонаж Маньмань, Драгоценная супруга Фу, была любимой женщиной правителя и получила высочайший титул сразу после его восхождения на престол.

Актриса обладала яркой, запоминающейся внешностью, а в полном уборе Драгоценной супруги её мимолётная полуулыбка источала величественную грацию в сочетании с кокетливым очарованием избалованной фаворитки.

Но даже на её фоне наследный принц Хэюэ выделялся своей почти неземной, одухотворённой красотой. Именно эта чистота и ускользающий шарм должны были пленить императора при первой же встрече.

Когда все углубились в разбор сценария, Гао Лан поднял руку, прерывая общее обсуждение:

— Режиссёр Ся, я последние несколько дней детально анализировал линию своего персонажа, и у меня возник принципиальный вопрос, который хотелось бы вынести на обсуждение.

Ся Чуньчжи кивнул, призывая актёра высказываться без стеснения.

— Отношения между Хэюэ и императором Чэном чрезвычайно запутанные, — начал Гао Лан. — На первых порах, пока происхождение принца остаётся тайной, император искренне восхищается им. Он видит в юноше родственную душу, доверенного друга. Именно эта духовная близость впоследствии мешает правителю принять жестокое решение, когда маски срываются, и он колеблется, не зная, как поступить с заговорщиком.

Стоит пояснить, что перед объединением Поднебесной новый государь провозгласил девиз правления «Чэнсинь». Действие картины разворачивалось на третий год этой эпохи, отчего в народе и исторических хрониках нового правителя именовали императором Чэн.

— Сценарий тонко передаёт полутона их общения, — продолжил Гао Лан, — но один нюанс остаётся недосказанным. Я хочу спросить прямо: есть ли между наследным принцем Хэюэ и императором Чэном романтическое чувство? Да, я прекрасно понимаю жёсткие рамки цензуры в отечественном прокате — заявить о подобном напрямую мы не сможем. Однако если мы, как актёры, зложим этот подтекст в свои роли, даже играя на полувздохах и мимолётных взглядах, история заиграет совершенно иными красками. Герои станут глубже, а внутреннее

напряжение возрастёт многократно.

Вопрос Киноимператора застал сценаристов врасплох. Они растерянно переглянулись, после чего дружно уставились на режиссёра.

— Ситуация двоякая, — вздохнул Ся Чуньчжи. — Наша картина ориентирована на зарубежные кинофестивали, но коммерческий прокат в Китае никто не отменял. Ради успешного прохождения цензурного комитета авторы действительно постарались сгладить все острые углы. Не скажу, что мы не думали об этой искре между ними, но в итоге решили не рисковать.

— И всё же, режиссёр Ся, закрывать на это глаза — ошибка, — мягко, но настойчиво возразил Гао Лан. — Император Чэн — эстет, он падок на красоту, что доказывает его слепая привязанность к Драгоценной супруге Фу. На совете он мудрый реформатор, в пылу сражений — гениальный тактик, но в личной жизни у него есть уязвимость. Не зря ведь принц Хэюэ выбрал именно такой способ сближения. При первой же встрече император был покорён чистотой и изяществом юноши, и именно эта эстетическая слабость сделала его уязвимым перед чужим коварством. Я убеждён: Чэн испытывал к Хэюэ нечто большее, чем простое дружеское расположение. Если формат не позволяет заявить об этом открыто, давайте сыграем тонко, оставив зрителю простор для фантазии. Если полностью убрать это влечение, рухнет вся психологическая мотивация императора.

Говоря это, Гао Лан то и дело бросал глубокие, пронизательные взгляды на Линь Тунси, словно перед ним и впрямь сидел тот самый загадочный принц-искуситель.

Ся Чуньчжи задумчиво побарабанил пальцами по столу, взвешивая аргументы, а затем перевёл взгляд на Тунси, безмолвно предлагая тому высказать своё мнение.

— Что касается Хэюэ, — спокойно заговорил Линь Тунси, — то с того самого момента, как ему удалось вырваться из заточения в храме, все его помыслы занимала лишь месть и жажда восстановить справедливость. Он шёл к императору с холодным расчётом. Его цель — использовать Чэна, а затем уничтожить его правление. Он просто не мог позволить себе слабость полюбить собственного злейшего врага.

Гао Лан заглянул Тунси в глаза:

— Принц с детства рос в изоляции, не зная внешнего мира. Император Чэн — личность колоссального масштаба, сумевшая железной рукой объединить расколотую страну. Человек столь исключительной харизмы не может не вызывать трепета. Даже преследуя тайные цели, Хэюэ, будучи в глубине души чистым и ранимым юношей, неизбежно попал бы под влияние этой чужой силы. К тому же император далеко не глуп, его не обмануть дешёвым притворством. Чтобы втереться в доверие к такому пронизательному правителю, Хэюэ должен был сам поверить в собственную искренность. Иначе его игра рассыпалась бы при первой же проверке.

— Даже если сценарий делает упор на коварство Хэюэ, по-настоящему живой персонаж не

может состоять из одной лишь жажды мести. В его душе обязан происходить надлом, зарождаться внутренний конфликт. Мы не имеем права лишать принца человечности.

Тунси мягко улыбнулся:

— На самом деле авторы не вырезали чувства Хэюэ, они просто укутали их в полутона. Принц с ранних лет был заперт в монастырской келье, и единственным его проводником в мир оставался преданный слуга-евнух. Разумеется, задыхаясь в этой изоляции, мальчик отчаянно нуждался в тепле и любви. Но он не получил этого ни от жестоких родителей, ни тем более не мог ждать от узурпатора Чэна. Хэюэ параноидально осторожен, он не станет доверяться смертельно опасной фигуре. Полюбить императора для него означало бы собственноручно подписать себе смертный приговор. Его разум просто заблокировал бы подобную мысль.

Тунси раскрыл сценарий на нужной странице, сплошь испещрённой его аккуратными карандашными пометками.

— До восемнадцати лет его жизнь текла размеренно. Да, он постоянно пребывал в неведении и страхе перед будущим, ища утешение лишь в древних свитках, но именно в монастырских стенах он обрёл мудрость и душевный покой. Эти воспоминания останутся с ним до самого конца. Маленький слуга, преданно оберегавший его, и тишина ушедших лет — вот его настоящая эмоциональная гавань. Если говорить о подлинной любви в жизни Хэюэ, то его единственной искренней привязанностью был именно этот юный евнух.

Когда Тунси улыбался, его лицо приобретало почти детскую, завораживающую невинность. Он небрежным жестом смахнул упавшую на глаза прядь волос. Поймавший это движение Гао Лан на мгновение замер, залюбовавшись собеседником.

Актёр даже не пытался скрыть восхищения тем, насколько глубоко и тонко его молодой коллега прочувствовал своего героя.

— Что скажете, режиссёр Ся? — повернулся он к руководителю процесса.

Ся Чуньчжи довольно рассмеялся:

— Великолепный разбор, оба правы! Давайте сделаем так: я озадачу сценаристов, пускай подумают, как изящно вплести ваши идеи в текст. Замечание Учителя Гао действительно ценное, есть масса кинематографических приёмов, позволяющих показать чувства императора без прямого нарушения цензуры. К слову, в самом первом драфте сценария император Чэн и впрямь был безумно влюблён в Хэюэ.

Благодаря актёрским читкам и живым дискуссиям сценарий шлифовался прямо на глазах, обретая психологическую достоверность. Ся Чуньчжи никогда не придерживался мнения, что текст священен и неприкосновенен после запуска производства; напротив, он охотно шёл на микрокорректировки, если они шли на пользу делу.

Чтобы Хэюэ мог втереться в доверие к императору и заставить того поверить, будто перед ним лишь далёкий от дворцовых интриг простодушный отшельник, принцу требовалось создать иллюзию полной безмятежности. Нужно было увлечь уставшего от бремени власти монарха простыми радостями, шаг за шагом превращаясь в незаменимого спутника.

Хэюэ тонко чувствовал израненную душу правителя. Он понимал: человек, годами проливавший кровь на полях сражений и погрязший в государственных заботах, давно позабыл вкус покоя. Во время их тщательно подстроенной первой встречи принц уловил неподдельный интерес гостя к сельскому быту. Позже, в ходе их тайных прогулок, император то и дело заводил разговоры о прелести уединения на лоне природы, пусть даже царский долг не позволял ему вкусить этой жизни сполна.

Тогда Чэн ещё скрывал свой статус, выдавая себя за столичного аристократа. Хэюэ прекрасно знал, кто стоит перед ним, но не спешил раскрывать карты. Напротив, он умышленно вовлекал высокого гостя в нехитрые крестьянские забавы: удил рыбу на мелководе, собирал дикие коренья и травы. И грозный владыка Поднебесной с детским азартом отдавался этой игре.

Поскольку съёмочный процесс только стартовал, Ся Чуньчжи берёт силы артистов. Чтобы дать им возможность втянуться в работу и поймать нужный ритм, он начал со второстепенных, технически простых сцен. Лишь убедившись, что исполнители нащупали верное состояние, он планировал перейти к эмоционально тяжёлым блокам.

Прогулки героев на природе снимали исключительно на натуре. Команда отыскивала живописную крестьянскую усадьбу с заросшим лотосами прудом, соединённым с небольшой речушкой. Территорию облагородили, подготовили реквизит, и вот уже Линь Тунси, облачённый в грубую холщовую рубаху и с высоко закатанными штанинами, должен был увлечь за собой переодетого в простое платье императора прямо в мутную тёплую воду — ловить рыбу.

Под золотыми лучами заходящего солнца Хэюэ и император весело плескались в воде, пытаются поймать скользкую добычу. К концу смены дорогие костюмы Линь Тунси и Гао Лана были безнадежно перепачканы илом, а на щеках Тунси красовались забавные тёмные пятна.

— Отлично! Снято! — зычно прокричал в рупор Ся Чуньчжи, отсмотрев последний дубль. Мучения целого дня наконец увенчались идеальным кадром, и режиссёр скомандовал завершать работу.

Тунси двинулся к берегу. Вода едва доходила ему до икр, но дно пруда таило ловушки. На третьем шаге его нога глубоко увязла в илистом капкане. Потеряв равновесие, юноша качнулся и едва не полетел лицом в воду, но шедший следом Гао Лан среагировал мгновенно — рванулся вперёд и вцепился в его запястье, удерживая на весу.

Обретя под ногами твёрдую почву, Линь Тунси с облегчением выдохнул и повернулся к спасателю с благодарной улыбкой:

— Спасибо, Учитель Гао.

По сценарию Хэюэ замыслил свою месть в возрасте двадцати трёх лет, однако из-за многолетнего затворничества он сохранил черты юношеской наивности, к тому же намеренно разыгрывал перед монархом роль неискущённого отрока. Линь Тунси и в реальной жизни удивительным образом сочетал в себе зрелую мужскую харизму и чистый юношеский задор. Подчёркнутый гримом образ в совокупности с этой искренней, сияющей улыбкой на фоне заката произвёл сокрушительный эффект. Гао Лан заворожённо смотрел на бледное, испачканное илом лицо партнёра, не в силах отвести глаз.

Запястье, которое он сжимал, казалось хрупким, но под кожей чувствовались упругие мышцы. Гао Лан неосознанно сжал пальцы чуть крепче и тихо произнёс:

— Здесь топкое дно. Позволь мне помочь тебе выбраться.

Тунси уже открыл рот, чтобы вежливо отказаться, но стоило ему сделать шаг, как ступня снова глубоко провалилась в грязь. Не удержав его старший коллега за руку, падения в ил было бы не избежать.

Оглядевшись, Линь Тунси заметил, что осветители и рабочие сцены тоже бредут к берегу группами по несколько человек, поддерживая друг друга. В одиночку преодолеть коварную заводь действительно казалось непосильной задачей.

Оставив попытки казаться самостоятельным, Тунси виновато улыбнулся:

— Спасибо, Учитель Гао. Простите за хлопоты.

Актёр скользнул по нему быстрым взглядом и, опустив глаза к колеблющейся водной глади, негромко ответил:

— Пустяки. Тебе не за что извиняться.

Штанины Тунси были закатаны выше коленей, обнажая ровную, поразительно белую кожу, которая в мутной воде пруда казалась почти светящейся. Расходящиеся кругами волны то и дело омывали его стройные голени. Гао Лан ловил себя на том, что взгляд его помимо воли то и дело возвращается к этим ногам, чья белизна могла поспорить с молодым речным лотосом.

Как только они ступили на сушу, Тунси ещё раз поблагодарил спутника. К нему тут же подскочил Лэ Бэй с тёплым пуховиком, сухой сменной обувью и термосом с горячей водой, чтобы ополоснуть ноги от речной тины. Погода стояла промозглая, и любая простуда грозила сорвать график съёмок, так что заботиться о здоровье приходилось самым тщательным образом.

Накидывая объёмную куртку, Линь Тунси внезапно замер и резко повернулся к отдалённому пригорку, пристально всматриваясь в редкие деревья.

— Брат Линь, что случилось? — встревожился Лэ Бэй.

Тунси едва заметно нахмурился:

— Свяжись с режиссёром Ся по рации. Кажется, на том склоне засел проплаченный папарацци. Я прямо кожей чувствую направленный объектив.

Лэ Бэй торопливо вытащил рацию и передал информацию. Когда в динамике раздался хриплый голос Ся Чуньчжи, подтвердившего, что охрана уже заметила лазутчика и пытается его перехватить, помощник мысленно ахнул от восхищения. Чутьё его подопечного на скрытые камеры оставалось поистине сверхъестественным.

Линь Тунси отвёл взгляд от холма, но странное ощущение чужого присутствия не исчезло — лопатки покалывало от чьего-то тяжёлого, сверлящего взора. Он медленно обернулся.

Там, позади суесящихся рабочих, упаковывающих дорогостоящую оптику и осветительные приборы, стоял человек, чьё появление никто не зафиксировал.

Это был Цинь Нань.

Цинь Нань не просто наблюдал за Тунси. Его ледяной, колющий взгляд то и дело перемещался на стоявшего рядом Гао Лана.

<http://bllate.org/book/20602/2119192>